

ТЕАТРЪ.

«ИВАНОВЪ», драма А. Чехова.

Товарищество драматических артистовъ ставило 16 октября на сценѣ театра Плотникова драму А. Чехова — «Ивановъ». Въ свое время, т. е. въ прошломъ году, когда эта драма впервые была представлена на сценѣ Александринскаго театра 31 января, она возбудила много толковъ и въ печати и въ обществѣ. О ней столько говорили и писали, что, намъ кажется, приводить содержаніе драмы нѣтъ надобности, ибо она болѣе или менѣе известна вському, хотя чуточку сдѣлающему за текущую литературу. Скажемъ только, что до сихъ поръ точно и опредѣленно не установлено критикомъ — что хотѣлъ выразить Чеховъ своимъ «Ивановымъ». Нѣтъ словъ, что драма написана талантливо, свотрится и читается съ интересомъ, но по окончаніи ея и читатель и зритель становится въ тупикъ: что-же это такое? Что такое Ивановъ? Типъ-ли онъ, исключительное-ли явленіе? Если типъ, то въ немъ нѣтъ ничего типическаго чертъ, присущихъ современному интеллигенту, въ немъ все — исключеніе. Въ такомъ случаѣ, если не типъ, то почему драма озаглавлена собирательнымъ «Ивановъ», почему ей пытаются придать общественное значеніе? Какой изъ «проклятыхъ» вопросовъ затрогиваетъ эта драма? Судя по тому, что рассказываетъ о себѣ самъ герой драмы и что о немъ говорятъ жена и еще одна героиня, дѣвушка, любимая въ него, Саша Лебедева, Ивановъ еще недавно былъ энергичнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Но въ драмѣ онъ является уже надломившимся и, какъ онъ самъ объясняетъ, надломленность эта произошла отъ того, что онъ черезъ чуръ много ввалилъ на себя. Вотъ его слова: «У меня былъ рабочій Семенъ. Разъ, во время полотыни, онъ захотѣлъ похвалиться передъ дѣвками своей силой, ввалилъ

себя на спину два вѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что я тоже надорвался. *Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты...* Ввалилъ я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уездѣ. Все это мои вѣшки. Ввалилъ себя на спину пошу, а спина-то и треснула». Однако сейчасъ же Ивановъ прибавляетъ: «впрочемъ, можетъ быть, это не то... не то, не то!..» Но въ концѣ драмы опять говорить почти такъ-же, что видно изъ слѣдующихъ словъ его, сказанныхъ Лебедеву, своему пріятелю: «если ты встрѣтишь въ жизни молодого человѣка, горячаго, искреннаго, неглупаго и увидишь, что онъ любитъ, невиндидитъ и вѣритъ не такъ, какъ всѣ, работаетъ и надеется *за десятирды...* если увидишь, что онъ ввалилъ на себя пошу, отъ которой хрустятъ сани и тянутся жилы, то скажи ему: не снѣши расходовать свои силы на одну свою молодость, побереги ихъ для всей жизни, пьяти, возбуждайся, работай, *но знай мру,* иначе жестоко накажетъ тебя судьба» и проч. — Основываясь на всемъ этомъ, мы вправѣ предположить, что авторъ драмы хотѣлъ, очевидно, представить намъ продуктъ того явленія, которое назвѣстно подъ именемъ «перетуоленія». Но отъ чего оно? «Гимназія, университетъ, хозяйство, школы, проекты» говоритъ Ивановъ. Однако, развѣ не тысячи людей учатся въ университетахъ, гимназіяхъ, создаютъ проекты, устроятъ школы, заботятся о нихъ... Кончаютъ-ли они перетуоленіемъ? Кончаютъ-ли нѣтъ люди запада, работающіе не меньше насъ, кончаютъ-ли нѣтъ американцы, которые отъдыхъ считаютъ за нѣчто преступное? Ясна неясность. Но, можетъ быть, русскій интеллигентъ есть нѣчто особенное, у него, быть можетъ, больше силы для труда? Можетъ быть трудъ, его ненормаленъ, встрѣчаетъ множество преградъ,

препятствій, одна борьба съ которыми уже въ состояніи утопить прежде, чѣмъ можно будетъ приняться за самый трудъ? На всѣ эти вопросы вы напрасно будете искать отвѣтовъ въ драмѣ. Прежде всего неизвестно, каково было прошлое Иванова. А знать это необходимо для того, чтобы судить, при какихъ условіяхъ проходила его дѣятельность, зависѣло-ли перетуоленіе отъ слабости его *личной* организаціи или отъ слабости русскаго интеллигента вообще, сравнительно съ интеллигентами западной Европы, Америки и проч. Воинкаитъ и другіе вопросы, какъ, наприм., отличается-ли работа интеллигента въ Россіи какими-нибудь особенностями, свойственными только нашей странѣ, а потому и результатовъ такой работы является перетуоленіе? и т. п. И на это нѣтъ отвѣтовъ въ драмѣ. Далѣе, понятенъ-ли Ивановъ? Въ самомъ дѣлѣ, что онъ такой? Подлецъ, негодяй или хорошій человѣкъ? Психопатъ или новый Чацкій? Ни то, ни другое, ни третье. Впрочемъ, болѣе всего онъ кажется психопатомъ, такъ какъ поступки его, дѣйствія, отношенія къ окружающимъ, все это носитъ отпечатокъ ненормальности, болѣзненности. Развѣ тотъ, наприм., поступокъ Иванова, когда онъ ни съ того, ни сего, въ день свадьбы съ любимой дѣвушкой — вымачиваетъ изстометь и застрѣливается, не доказываетъ, что герой дѣйствительно боленъ? А его поступки съ женой, съ Сашей, съ друзьями — развѣ все это не проявленія болѣзни? А если Ивановъ большой человѣкъ, то контрорленъ, зачѣмъ взять такой исключительный случай для збрасовки гена, которому самое названіе «Ивановъ» старается придать всеобщность и современность? Много и еще возникаетъ вопросовъ по поводу этой драмы, напр.: почему Ивановъ терпитъ пошеника Воркина, отчего произошло разрушеніе его хозяйства, для чего жена его сдѣлана опроекъ и т. п., но всѣ вопросы и неречислить трудно; такая ихъ масса! Да въ задачи нашей записки и не входить подробный разборъ

драмы: это дело критиков-специалистов. Мы только высказываем свои впечатления, вынесенные нами от чеховской драмы и говорим, что драма оставляет и читателя и зрителя в недоумении, а это обстоятельство доказывает только, что драматическое произведение Чехова слабо, недодумано, не продумано. Нельзя, конечно, отрицать существующих в пьесе достоинств: есть отблески живых сцен, личность Иванова написана в некоторых деталях с замечательной искренностью, (наприм.: в сценах, когда Иванов сознается Львову, что не любит жену, что ему не тяжело от мысли о ее смерти, когда он объясняется с Самой в 3-м акте...) Но такая миста редки... В пьесе есть и еще личность, останавливающая на себе особенное послѣднее внимание. Личность эта — доктор Львов.

Въ Львовѣ Чеховъ, очевидно, хотѣлъ вывести типъ бездушныхъ, но благородно-негодующихъ людей, кричащихъ всюду о честности, которымъ отъ этой честности даже „распираетъ“, по выраженію Лебедева. Львовъ негодуетъ, мечетъ громы, безпощадно открываетъ, и этою откровенностью дѣлаетъ больше зла, нежели добра. Однако Чеховъ совершенно не показываетъ душевнаго міра этого врача: мы видимъ только, что онъ кричитъ о благородствѣ и честности и больше ничего. Да и этотъ крикъ еще подъ сомнѣніемъ: кричитъ-ли Львовъ такъ потому, что дѣйствительно чувствуетъ потребность кричать, или-же негодованіе и грубая откровенность по отношенію къ Иванову и, значитъ, только къ нему одному — есть результатъ ревности, такъ какъ, по собственному признанію Львова, онъ любитъ Сарру, жену Иванова. Такъ, образъ и Львовъ ничего не сказалъ авторъ. Но несмотря на непродуманность, недодуманность пьесы, она тѣмъ не менѣе и читается и смотрится съ захватывающимъ интересомъ, производя сильное впечатлѣніе на людей, нормъ которыхъ не совсѣмъ еще одеревѣли.

Разыграна пьеса была настолько удовлетворительно, что большого и требовать нельзя отъ артистовъ здѣшняго театра. На этотъ разъ въ роли Иванова г. Ге положительно былъ неузнаваемъ: въ некоторыхъ мѣстахъ драмы, особенно въ 3-й актѣ, въ сценѣ объясненія съ Лебедевымъ, въ сценѣ, когда Ивановъ остается одинъ и предается размышленію о собственной особѣ въ монологѣ: „нехорошій, жалкій и ничтожный я человекъ“, при объясненіи съ врачомъ Львовымъ, наконецъ, во всѣхъ сценахъ, гдѣ появляется Ивановъ, въ 4-й актѣ — г. Ге былъ сверхъ ожиданія, удовлетворителенъ.

Были моменты, когда личность актера совершенно забывалась и зрители готовы были вѣрить, что не г. Ге на сценѣ, а самъ Ивановъ. Но къ сожалѣнію, такихъ моментовъ вѣстакъ не много далъ г. Ге. Онъ еще далеко не отрѣшился отъ своихъ привычекъ: читать нараспѣвъ, болтать зря руками, часто, слишкомъ часто вскидывать правую руку на лобъ, неловко держаться, говорить съ дѣйствующими лицами безъ того, чтобы смотрѣть въ пространство и т. п. Но, повторять, что и при всѣхъ этихъ и многихъ другихъ недостаткахъ г. Ге тѣмъ не менѣе справился съ ролью, хотя правду надо сказать, что роль эта чрезвычайно благодарная и принадлежитъ къ числу такъ наз. выигранныхъ. Какъ-бы однако ни было, г. Ге въ спектаклѣ 16 октября показалъ, что, когда захочетъ, онъ можетъ играть удовлетворительно. Пусть-же г. Ге работаетъ надъ собою какъ можно больше, пусть готовится къ каждой роли старательнѣе и благо ему будетъ: не знаменитость, конечно, но хорошій, полезный актеръ изъ него можетъ выйти. Такой-же советъ мы позволяемъ себѣ дать и г-жѣ Соколовой. Артистка она, повидимому, еще неопытная, почему и игра ея не отличается выдающимися достоинствами. Такъ, въ роли Саши Лебедевой г. Соколова была недостаточно жива, напр., въ III сценѣ 2-го дѣйствія, когда Саша „пробираетъ“ по-

лодыхлюлей она мало выказала горячности при защитѣ Иванова, монотонно провела 6-ю сцену 3-го акта и только финальная сцена 4-го акта ей отчасти удалась хорошо. Если мѣстами артистка эта можетъ проявлять искусство, то есть надежда, что и въ роли можетъ быть проведена ею ровно. Разумѣется, если г-жа Соколова постарается разучивать вскую, предлагаемую ей по ея амплу роль съ должнымъ вниманіемъ. Пусть въ игрѣ артистки будетъ побольше живыхъ чувства и — успѣхъ ея обеспеченъ, ибо внѣшность г-жи Соколовой довольно симпатична. Изъ участвовавшихъ въ „Ивановѣ“, кромѣ г. Ге и г-жи Соколовой, слѣдуетъ отмѣтить во 1-хъ г-жу Пиуну, которая, съ свойственнымъ ей искусствомъ, представила Сарру Абрамову или Анну Петровну, жену Иванова. Одно лишь портитъ впечатлѣніе, это недостаточно близкое сходство внѣшности артистки съ внѣшностью Сарры. Дѣло въ томъ, что Сарра, какъ находящаяся въ послѣднемъ періодѣ развитія чахотки, должна быть очень и очень худя: лицо, ставъ — должно быть какъ у чахоточныхъ вообще. Ну, а г-жа Пиунова обладаетъ вполне здоровымъ сложеніемъ и не въ ея власти, конечно, было „похудѣть“. Другой-же артистки на такія роли, какъ Сарра, кромѣ г-жи Пиуновой, въ товариществѣ, насколько намъ извѣстно, нѣтъ. Изъ второстепенныхъ лицъ пьесы удовлетворительно были представлены: Лебедевъ г-номъ Ильковымъ, Шабельскій — г. Тихановымъ, Бобакина — г-жою Сѣверскою, Зинаида Саввична — Рославскою, Косыхъ — г. Науновскимъ и Авдотья Назаревна — г-жою Орловскою. Воркни въ лицѣ г-на Татарнинова и врачъ Львовъ въ исполненіи г. Яковлева, — совсѣмъ никуда не годились: роли эти даны были названнымъ артистамъ, очевидно, потому, что больше некому было и отдать ихъ... „Ивановъ“ шелъ почти при пустомъ залѣ.